

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО

ТЬМА БЫВАЕТ И В ПОЛДЕНЬ

Военный преступник

Издательство СИЛК-ПРЕСС,

г. МОСКВА 2017

Илья Деревянко

Военный преступник

«СИЛК-ПРЕСС»

2003

Дервянко И.

Военный преступник / И. Дервянко — «СИЛК-ПРЕСС», 2003

Есть области, куда лучше не заглядывать и дороги, по которым не стоит ходить. А у того, кто нарушил это неписанное правило – заканчивается нормальная жизнь! Потусторонние, тёмные сущности начинают проявлять себя самым неожиданным и жутким образом. Кошмарные сны превращаются в реальность. Тени оживают и становятся чудовищами. Страх делается постоянным спутником. А за каждым поворотом, этого несчастного подстерегает кое-что похуже, чем смерть...

Содержание

Пролог	5
Глава I	7
Глава II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Илья Деревянко

Военный преступник

Все имена, фамилии, прозвища действующих лиц, равно как и названия учреждений, вымышлены. Любые совпадения – случайны.

Вынужден предупредить – людям со слабыми нервами эту повесть лучше не читать.
(Автор)

Пролог

Позвольте представиться: Алексеев Владимир Иванович, 1972 года рождения, русский, больше не женатый, в прошлом капитан спецназа Внутренних войск, а ныне – военный преступник, объявленный во всероссийский розыск и живущий под именем Андрея Вадимовича Короленко. Так значится в фальшивом паспорте, любезно предоставленном мне старым школьным товарищем, известным бандитским авторитетом Анатолием Бессарабским по прозвищу Кощей. (Правда, в настоящее время Кощей предпочитает называть себя «предпринимателем», подведомственную ему структуру – «Хозяйствующим субъектом», а боевиков – «Службой безопасности»).

Теперь вкратце о том, как кадровый офицер, участник трех локальных войн и кавалер пяти боевых орденов вдруг стал в одночасье военным преступником.

Осенью 2001 года мы проводили внеплановую «зачистку» в крупном чеченском селе, в окрестностях которого по ночам активно «работал» вражеский снайпер, угробивший за месяц двадцать наших солдат.

«Зачистка», повторяю, была внеплановая. Чеченцев о ней не предупредили, а потому в одном из дворов мы благополучно сцапали искомого снайпера – некую Фариду Мусаеву девятнадцати лет от роду. Все оказалось при ней: СВД (Снайперская винтовка Драгунова.) с оптическим прицелом, глушителем и ровно двадцатью насечками (Так снайперы обычно помечают количество убитых ими военнослужащих противника.); характерные признаки частого пользования оружием (синяк от приклада на правом плече плюс мозоль от спускового крючка на указательном пальце), а также цветная фотография, на которой Мусаева наперевес с означенной винтовкой гордо позировала перед объективом рядом с ухмыляющимся в густую бороду Шамилем Басаевым. Невзирая на неопровержимые улики, Фарида ничуть не испугалась разоблачения! Напротив, начала истошно визжать: «Ничего вы мне, собаки, не сделаете!!! У моего тейпа мощные связи в районной администрации!!! Отпустите максимум через пару дней, да еще приползете на коленях прощения просить. А мы вас, ублюдков, и дальше будем убивать!!!»

Я, помнится, аж задохнулся от возмущения! Не ожидал, признаться, столь вопиющей наглости! А когда взбесившаяся стерва растопырила когти и бросилась на меня с явным намерением выцарапать глаза, – чисто машинально сломал ей шею. Спустя неделю вашего покорного слугу арестовали по обвинению в убийстве «невинной» чеченской девушки и в придачу в изнасиловании (!) оной. Вещественные доказательства мистическим образом исчезли, а судебно-медицинская экспертиза в упор не заметила ни синяка от приклада, ни мозоли от спускового крючка! (Похоже, Мусаева не соврала насчет мощных связей.) Первые сутки после ареста я пребывал в состоянии глубочайшего шока, вызванного чудовищной несправедливостью случившегося. Особенно оскорбляло обвинение в «изнасиловании». Да на ту гнусную тварь я бы под дулом автомата не полез! Лучше бы расстреляли!!! На вторые сутки я более-менее опом-

нился и, не желая разделить судьбу полковника Буданова, бежал с гарнизонной гауптвахты, где содержался в ожидании отправки в СИЗО. В процессе побега пришлось обезоружить и вырубить четырех салаг-караульных. (Как я потом узнал, все четверо, слава Богу, остались живы-здоровы.) Благополучно выскользнув из Чечни, я раздобыл гражданскую одежду, окольными путями добрался до Москвы и обратился за помощью к Бессарабскому. Больше не к кому было! Эмвэдэшным друзьям я не доверял (по меньшей мере, трое из них возвели на меня поклеп в угоду следствию), а родственников не имел. Родители погибли в автомобильной катастрофе, еще когда я учился в военном училище. Жена же Ирина, узнав из сводки новостей о «преступлении» супруга, мигом от него отреклась, подала заявление на развод и стала сожительствовать с каким-то преуспевающим коммерсантом. Якобы из принципиальных соображений! На самом деле – вряд ли она поверила телевизионной брехне. Ирина далеко не дура. Просто семейная жизнь у нас давно не ладилась (главным образом по причине моих низких заработков), а тут такой прекрасный повод развестись! Ну как им не воспользоваться?! Ведь получается, что не меркантильная сучка бросила мужа ради денег, а честная благородная дама разорвала отношения с «насильником-убийцей» в порыве праведного негодования! В глазах общих знакомых прямо героиня! Впору орден давать!!! Хотя ладно. Пес с ней. В общем, остался у меня на белом свете один лишь Толя-Кощей. Закоренелый бандюга. В смысле – «предприниматель». Он, надо отдать должное, от бывшего одноклассника не отмахнулся: приютил, накормил, обогрел, обеспечил новыми документами и пристроил на работу в свою банду. Прошу прощения – в «Службу безопасности хозяйствующего субъекта». На должность личного телохранителя.

До поры до времени жили мы с ним душа в душу. Я добросовестно выполнял служебные обязанности и однажды даже спас Бессарабского от смерти: своевременно вычислил и ликвидировал двух наемных убийц, подсланных каким-то враждебным «хозяйствующим субъектом». Однако летом 2002 года наши отношения дали серьезную трещину. (Об этом, впрочем, чуть позже...)

Ну-с, уважаемые читатели, на основании вышеизложенного у вас небось сложилось впечатление, будто перед вами несчастная жертва «антинародного режима» (как любит выражаться господин Зюганов). Сложилось, да? Напрасно!!!

Вынужден вас разочаровать. Я действительно военный преступник! Но за то, настоящее преступление, совершенное за два месяца до инцидента с чеченской снайпершей, никто мне обвинения не предъявлял. Никто, кроме меня самого!!! Раскаяние за содеянное неустанно гложет мою душу. С каждым днем все сильнее и сильнее.

Я уже принял решение: уйду в отдаленный глухой монастырь и буду до конца дней своих замаливать грехи! Но сперва позвольте рассказать вам одну жуткую, запредельную историю, в которую я угодил нынешним летом и из которой лишь чудом выкарабкался без ущерба для психики и здоровья. Итак, начну по порядку...

Глава I

Июльское солнце палило нещадно, столбик термометра показывал 32 градуса в тени, в воздухе не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка, и в результате настужь распахнутое окно комнаты совсем не спасало от жары. На лбу сидящего за столом Кощея поблескивали мелкие капельки пота. Редкие волосы на голове слиплись. Распаренное лицо покраснело. На легкой хлопчатобумажной футболке виднелись большие влажные пятна. Я, расположившийся в кресле напротив, выглядел ничуть не лучше. Словно полностью одетый в сауну залез. На верхнюю полку.

Однако в данный момент нам обоим было не до того, поскольку тема обсуждалась весьма и весьма щекотливая.

– Признаться, Володя, я очень разочарован и, не стану скрывать, встревожен! – угрюмо катая на скулах желваки, говорил Бессарабский. – Своим отказом замочить Мухачева ты поставил меня и себя в на редкость скверное положение. Ребята откровенно ропщут, упрекают тебя в ненадежности, а кое-кто (согласно оперативной информации) мечтает о твоём устранении. Они же, если помнишь, изначально тебя недолубливали, посматривали косо. Для них-то ты по-любому «мент» (Уголовники называют «ментами» не только сотрудников милиции, но и всех без исключения военнослужащих Внутренних войск.). (Бывший, не бывший – роли не играет!) А теперь... Ладно бы только отказался! Ты же вдобавок предупредил Аркашку о грозящей ему опасности, и он, падла, моментально слинял в неизвестном направлении.

(Аркадий Васильевич Мухачев трудился в «хозяйстве» Кощея в качестве адвоката, в чем-то крупно подвел шефа и, соответственно, заработал смертный приговор, привести который в исполнение поручили мне.)

– Выходит, ты нас конкретно подставил! – продолжал между тем Кощей. – А что, если поганый адвокатишка записал твое предупреждение на диктофон? А?! Ведь это голимая (Голимая (жарг.) – означает полная, законченная. В данном контексте, неоспоримая.) улика!!! – В глазах авторитета-«предпринимателя» сверкнули недобрые искорки, острый кадык передернулся, костлявые кулаки стиснулись.

– Ни фига он не записал, – спокойно возразил я. – Предварительно я тщательно обыскал Мухачева, ощупал каждую складку одежды и ничего похожего на диктофон не обнаружил. А встретились мы неожиданно, в городском парке, и никаких других записывающих устройств в окрестностях быть не могло. Более того, сказал-то я всего-навсего следующее (цитирую дословно): «Уматывай в темпе от греха подальше. Неохота об тебя руки марать». Подобную фразу к уголовному делу не подошьешь! (Может, я ему просто морду желал набить?!) Короче, ни тебе, ни твоей конторе она абсолютно ничем не угрожает!

Бессарабский задумался, подперев ладонью резко очерченный подбородок, а я неспешно прикурил сигарету и принялся выпускать дым кольцами.

Беседа происходила в рабочем кабинете загородного дома Анатолия – монументального, четырехэтажного особняка, выстроенного в Ближнем Подмоскowie, в пятнадцати километрах от Кольцевой дороги. Кабинет был отделан и обставлен с аляповатой безвкусной роскошью. Обшитые красным шелком стены несколько не гармонировали с черной, кожаной, с серебряным тиснением обивкой мягкой мебели. Тяжеловесная золоченая люстра смотрелась довольно неуклюже на фоне покрытого изящными лепными узорами потолка. А уж пушистый, желтоватый ковер на полу оказался здесь вовсе не к месту!

В резиденцию Кощея меня доставили двадцать минут назад трое сотрудников его «Службы безопасности». Доставили вежливо, но вместе с тем не спуская ни на секунду пальцев с курков спрятанных под пиджаками пистолетов. (Я, впрочем, притворился, будто ничего особенного в их поведении не замечаю.) Любезные конвоиры проводили меня до дверей каби-

нета, учтиво пропустили вовнутрь, а сами остались снаружи в коридоре. Надо полагать, для подстраховки босса. Вот так и начался наш с Толей последний разговор...

Думал Кошей долго. Не менее получаса. Наконец, лицо Бессарабского немного подобрело, глаза прояснились, кулаки разжались.

– Насчет отсутствия улик ты прав, – медленно произнес он. – Но дальше работать вместе мы не сможем! Ты откровенно бойкотировал мой приказ, а подобные проступки нельзя спускать на тормозах. Иначе создастся крайне опасный прецедент для прочих ребят. – Толик горестно вздохнул, пожевал узкими губами и добавил хрипло: – В то же время я не могу ни убить тебя (как обычно поступают при таких раскладах), ни «выбросить на помойку». Совесть не позволяет! Я все-таки обязан тебе жизнью!!! Кстати, – вдруг встрепенулся он, – до сих пор не возьму в толк – почему ты отказался убрать Аркашку?! Тебе ж не привыкать!!! Три войны прошел! Только не заливай, пожалуйста, насчет «кодекса воинской чести»! Чеченке, помнится, ты шеенку свернул запросто! Словно курице. Чем поганец Мухачев лучше той девки?!

– Мусаева была вражеской снайпершей, – глухо ответил я. – У нее на руках кровь двадцати русских пацанов. В основной массе первогодков-срочников, недавно из-под мамкиной юбки вылезших. А прикончил я стерву случайно. Бойцовский рефлекс сработал. Если бы она на меня не бросилась, то осталась бы жива и отправилась, как положено, на фильтрационный пункт.

– Па-а-а-ня-ятно, – протянул Кошей. – Теперь все ясно, но, к сожалению, суть проблемы от этого не меняется. Расстаться нам придется однозначно, но... Я, кажется, могу предложить тебе хорошо оплачиваемую работу на стороне!

Тебе доводилось слышать о «черных» археологах?! (Люди, производящие археологические раскопки без разрешения государства, на собственный страх и риск и, соответственно, присваивающие себе все найденные ценности.)

Я утвердительно кивнул.

– Так вот: вчера со мной общался Лешка Константинов. Он издавна (еще с советских времен) увлекался антикварным бизнесом (Кошей имеет в виду, конечно же, нелегальный антикварный бизнес. Главным образом – тайную продажу иностранцам исторических и культурных ценностей.). Сколотил на нем стартовый капитал. В течение девяностых годов здорово поднялся и стал владельцем целой сети процветающих фирм самой различной специализации. (От производства дешевой водки до изготовления дорогой женской косметики.) Однако прежних увлечений не оставил. Сейчас Константинов снаряжает собственную археологическую экспедицию на окраину Московской области: раскапывать неизвестный доселе погребальный курган вятичей (Вятичи – древние славянские племена, населявшие земли, разделявшие Северную и Южную Русь. (В первую очередь – современную территорию Москвы и Московской области.) Отличались крайней агрессивностью, с соседями не ладили. Летописные источники рассказывают о многочисленных походах киевских князей (от Святослава до Владимира Мономаха) с целью освободить дороги, соединяющие Киев с Новгородом, и взять под контроль непокорное племя. Кстати, знаменитая речка Смородина (на которой былинные русские богатыри бились с многоглавым чудовищем) – не что иное, как современная Москва-река, а прототип побежденного Ильей Муромцем Соловья-разбойника, «мимо которого ни одна птица не пролетит», – кто-то из особо отличившихся в злодействах вятических вождей. Кроме того, именно вятичи дольше всех (аж до 12-го века!) сопротивлялись принятию Христианства. [Подробнее см.: Юрий Воробьевский. Точка Омега. М., 1999, с. 6–25].). Леша рассчитывает на богатую поживу, а посему хочет обеспечить найденные в кургане ценности небольшой (из двух человек), но сверхнадежной охраной. Одного крутого типа он подыскал через какого-то знакомого армяшку. За вторым обратился ко мне. Я обещал подумать. За ответом Константинов придет, – Бессарабский покосился на часы, – гм! Приблизительно через пол-

часа. (Сколько-нибудь существенные разговоры о делах Лешка по возможности ведет не по телефону...) Итак, Володя, ты согласен стать вторым?!

– А что еще остается? – криво усмехнулся я. – Разумеется, согласен!..

* * *

Леша оказался низкорослым, жирным, пузатым мужчиной лет пятидесяти, с абсолютно лысым, лоснящимся черепом. Одетый по случаю жары в шорты да рубашку с короткими рукавами и основательно вспотевший, он напоминал мокрый футбольный мяч. Развалившись в кресле, любитель антиквариата изъяснялся торопливой, шепелявой скороговоркой. Константинов много разглагольствовал о предстоящих раскопках кургана вятичей, заранее предвкушал богатую добычу, безудержно нахваливал набранных им сотрудников (особенно руководителя экспедиции, некоего профессора Сперанского), но обращался исключительно к Бессарабскому, а на меня лишь изредка посматривал. С откровенным неодобрением. Видимо, внешность моя сразу разочаровала потенциального работодателя. Между нами, я действительно не выгляжу богатырем: средний рост, среднее телосложение, мышцы буграми не выпирают. В общем, не Шварценеггер, на подобие которого он, очевидно, рассчитывал.

– Чего ты косишься на моего человека, как теща на зятя?! – не выдержал наконец Толик. – Али не нравится? Тогда скажи прямо, не стесняйся!

– Э-э-э, – замялся пузатый Леша. – По-моему... э-э-э... твой протеже... э-э-э... как бы слабоват!

– Слабоват, значит?! – хитро прищурился Кошей. – Гм! Ход твоих мыслей мне достаточно ясен. На «терминатора» он впрямь не похож!.. Кстати, ты приехал с охраной?

– Конечно! – с достоинством кивнул Константинов. – С тремя отборными парнями. Тяжеловесами!.. Только зачем они тебе?!

– А вот зачем! – ухмыльнулся Бессарабский. – Зови сюда своих «отборных», и пускай они втроем попробуют справиться с этим «слабоватым». Если сумеют – с меня десять тысяч долларов. Если нет – платишь ты! Надеюсь, наличные при тебе? А то кредиткам я принципиально не доверяю! (И правильно делает! Банк в любой момент может заблокировать вашу кредитную карточку, и она мгновенно превратится в никчемный кусок пластика. Для примера вспомните конец лета – начало осени 1998 года у нас в России. Или посмотрите фильм «Враг государства». Наличные же отобрать у человека значительно сложнее!)

– При мне, – буркнул любитель антиквариата, глянул на Толика с жалостью, словно на умалишенного, и, набрав номер на мобильнике, велел прогуливающимся во дворе телохранителям немедленно явиться в кабинет Кошей...

* * *

Как я и подозревал, «отборные парни» были обыкновенными «качками» с раздутыми от анаболиков мышцами и никакой серьезной угрозы из себя не представляли. Поэтому я решил драться в полсилы, избегая эффективных, но вместе с тем смертельно опасных приемов.

Тем временем, повинуясь команде босса, бугаи вразвалочку двинулись ко мне. Ну и началось! Легко увернувшись от заторможенного (Культуристы только выглядят устрашающе. На самом деле удары у них медленные, довольно слабые, да и силы настоящей в мышцах нет. (О причинах можете спросить любого тренера по боксу или борьбе.) А настоящие спортсмены в шутку называют «качков» «резиновыми мальчиками»), неуклюжего свинга (Свинг – размашистый удар кулаком сбоку.) первого, я всадил ему кулак в солнечное сплетение. (С храпом согнувшись, «качок» завалился на бок). Погасив коленом нацеленный мне в живот удар ноги второго, резко сорвал дистанцию и залепил ему в челюсть раскрытой ладонью. (Мордоворот

медузой шлепнулся на пол.) А третьего, испуганно попятившегося к дверям, я просто настиг в длинном прыжке и ненадолго «усыпил», перекрыв большими пальцами рук сонные артерии. Вся схватка заняла от силы несколько секунд.

– Еще кто-нибудь есть в запасе? – лениво спросил я ошалевшего, беззвучно хлопающего губами Константинова. – А то ваши хлопцы какие-то квелые. Я даже разогреться толком не успел!

Поверженные охранники между тем более-менее очухались, поднялись на ноги и сгрудились возле двери, стараясь держаться от меня подальше.

Кошей бешено расхохотался.

– Ну, как на проверку мой «слабосильный»?! – сквозь смех выдавил он. – По-прежнему не внушает доверия?! Или ты передумал? Ладно, давай гони обещанные бабки!!!

Растерянный Леша безропотно извлек из барсетки пухлую, перетянутую резинкой пачку, механически пересчитал, молча протянул ее Толику, затем громко икнул и вялым мановением толстой руки приказал сконфуженным «качкам» удалиться.

– Ну так как?! – настойчиво повторил Кошей.

– Превосходно!!! Обалденно!!! Выше всяческих похвал!!! – по-куриному завохтал опомнившийся бизнесмен. – Вы, молодой человек, великолепный боец!!! Профессионал экстра-класса!!! Я, естественно, принимаю вас на работу. Жалованье – пять тысяч долларов в месяц. Прямо сейчас мы проедем в мой офис, я выплачу причитающийся вам аванс (две с половиной тысячи), проинструктирую насчет обязанностей и познакомлю с профессором Сперанским, а также с некоторыми другими коллегами. Потом начинайте, не мешкая, готовиться в дорогу. Экспедиция отправляется на место раскопок завтра утром.

Утерев носовым платком взопревшее лицо, Константинов грузно поднялся с кресла.

– Прощай, Толик, – сказал я, крепко пожимая протянутую недавним шефом руку. – Не поминай лихом!

– Прощай, – тихо отозвался он и сунул мне в карман полученную от Константинова пачку. – Твое «выходное пособие», – в ответ на мой недоуменный взгляд пояснил Бессарабский. – Невзирая на недавние разногласия – давай расстанемся друзьями!!!

– Давай! – охотно согласился я и... внезапно замер, пораженный дурным предчувствием. Почудилось мне, будто не увижу я больше Анатолия живым. Перед помутившимися глазами мелькнули расстрелянная машина, лужа крови на асфальте и...

– Идемте, молодой человек! Время поджимает! – приглушенно, как сквозь вату донесся до моих ушей голос Константинова. Я встряхнул головой. Наваждение исчезло.

Вместе с жирным Лешей я вышел из дома и, уже садясь в машину, зачем-то посмотрел на окно Толикова кабинета. Навалившись грудью на подоконник, Бессарабский неотрывно глядел мне вслед...

Глава II

В расположенном неподалеку от центра Москвы шикарном офисе господина Константинова (которого, в отличие от Кощея, все прочие уважительно именовали Алексеем Георгиевичем) меня познакомили с Дмитрием Афанасьевичем Сперанским, доктором исторических наук, профессором, крупным специалистом по культуре древних славян. В диссонанс звучным титулам смотрелся он довольно непрезентабельно; эдакий дерганый, суетливый, всклокоченный старикашка с маленькими круглыми очками на длинном угреватом носу. В разговоре профессор сильно картавил, часто заикался и комкал слова. Неряшливые пегие волосы Сперанского были обильно усыпаны перхотью. На кончике носа висела сопля... Ни дать ни взять – ходячая карикатура на ученого!

Кроме того, я встретился с двумя другими будущими коллегами: врачом экспедиции Татьяной Меньшиковой и вторым «суперкрутым» – тридцатипятилетним Валентином Шевченко. Молоденькая смешливая врачиха мне сразу понравилась, а вот новоявленный напарник (ветеран Французского Иностранного легиона) совсем напротив! Но отнюдь не из-за его прошлого (Обычно кадровые российские военные (пускай и бывшие) относятся весьма неприязненно к тем нашим соотечественникам, которые служили наемниками в иностранных армиях. Так, даже в разгар боевых действий в Чечне большинство военкоматов решительно давали «от ворот поворот» подобным воякам. (Кстати, хорошо подготовленным в военном и физическом отношении.) Исключение составляли лишь русские добровольцы, воевавшие на Балканах на стороне сербов.).

Просто я инстинктивно почуял в Валентине нечто на редкость грязное, злое, опасное и моментально проникся к нему острой, настороженной неприязнью. (Как позже выяснилось – не напрасно!)

По окончании процедуры знакомства я получил обещанный Константиновым аванс, а потом, уединившись с ним в кабинете, – тщательный инструктаж, длившийся не менее часа. (Некоторые, казавшиеся ему особо важными нюансы Алексей Георгиевич повторял по нескольку раз подряд.) Любитель антиквариата оказался большим перестраховщиком и, похоже, нисколько не верил в людскую порядочность! Помимо защиты кладоискателей от посягательств со стороны в мои обязанности входило держать под бдительным контролем самих археологов (дабы не проворовались ненароком), записывать на бумаге подробный перечень найденных ценностей, ни на минуту не выпускать их (т. е. ценности) из поля зрения, регулярно докладывать Константинову об обстановке на месте раскопок и... внимательно присматривать за напарником! (Мало ли чего?)

Вот так-то!!! (Между прочим, я до сих пор не сомневаюсь, что Шевченко было отдано аналогичное указание!)

По завершении инструктажа Алексей Георгиевич вручил мне новенький пистолет Стечкина, десяток запасных обойм, три гранаты «Ф-1», мобильный телефон «Эриксон» для поддержания связи и велел явиться завтра в офис к десяти утра.

Расставшись с Константиновым, я добрался общественным транспортом до арендуемой мной однокомнатной квартиры на окраине города, сложил в рюкзак свои нехитрые пожитки (плюс предоставленный шефом «арсенал»), принял прохладный душ, до одиннадцати вечера бездумно протаращился в телевизор, завел будильник на половину восьмого, проглотил несколько таблеток снотворного, улегся в постель и вскоре уснул...

* * *

Ночь прошла скверно. Во сне я внезапно осознал до конца то настоящее военное преступление, на которое начальство не обратило ни малейшего внимания, и мучился запоздальным раскаянием. (Прежде я испытывал на сей счет лишь смутное душевное беспокойство.) Пригрезились мне и непосредственные жертвы преступления, а именно: сержант-контрактник Игорь Васюков и младший лейтенант Валерий Лобов. Оба в изодранном, заляпанном кровью обмундировании, со страшными ранами на мертвых телах. Покойники не выдвигали никаких обвинений. Вообще ничего не говорили!!! Только смотрели с неммым укором. Я же рыдал навзрыд, пытался просить прощения, но язык почему-то не повиновался. Так продолжалось бесконечно долго. Затем вдруг мои бывшие подчиненные бесследно исчезли, а вместо них появилась Фарида Мусаева: изъеденная могильными червями, с адским пламенем в пустых глазницах подгнившего черепа, и начала пронзительно верещать: «Мы вместе будем жариться в аду, офицерик! Помнишь ту нашу с тобой встречу, первую и последнюю на Земле? Так вот, скоро мы встретимся вновь, в Загробном мире, и не расстанемся во веки веков!!! Я даже готова выйти за тебя замуж! Сатана дал на сей счет особое разрешение! Свадебку сыграем! Хи! Хи! Хи!!!»

– Ну-у-у нет!!! Никогда!!! Не дождешься, нечисть проклятая!!! – в отчаянии закричал я, с трудом двигая странно онемевшей рукой, перекрестился и... проснулся. Весь в слезах и холодном поту.

Часы показывали половину шестого утра. Минут пятнадцать я неподвижно просидел на постели, тяжело дыша, словно загнанная лошадь. Потом, относительно успокоившись, поднялся на ватные ноги и, пошатываясь, побрел в ванную комнату приводить себя в порядок. Засыпать по новой я, если честно, попросту боялся!..

* * *

Экспедиция отправилась от здания офиса в 10 часов 30 минут на двух автомобилях: новеньком блестящем микроавтобусе «Шевроле» и более вместительной, но неуклюжей, обшарпанной, порядком изношенной, прямоугольной колымаге, судя по ряду характерных признаков ранее принадлежавшей фирме «Ритуал». Кроме уже известных мне лиц, в состав экспедиции входили некий Авдей Залумян – сорокалетний, волосатый мужчина с противной, блудливой физиономией; его помощник – девятнадцатилетний Сергей Астахов или попросту Сержик (женоподобное, белобрысое существо с заостренной лисьей мордочкой), а также десяток иностранных чернорабочих. Залумян считался вторым после Сперанского руководителем раскопок, но не научным, а как бы «техническим». Дело в том, что он возглавлял фонд недоброй памяти «правозащитника» Глюкозова (отъявленного предателя и клеветника, ныне, надо полагать, жарящегося в аду), организовывал многочисленные выставки-распродажи и, по утверждению Константинова, мог с предельной точностью (плюс-минус десять долларов) определить на глазок рыночную стоимость любой археологической находки. Астахов официально именовался «секретарем-референтом», а по сути был обычным лакеем и, как позже выяснилось, наложником Залумяна. (Глава глюкозовского фонда являлся, оказывается, активным педерастом.)

«Элите» экспедиции (обоим руководителям, врачихе, Сержику и охране) предложили разместиться в комфортабельном «Шевроле», а «быдло» – гастарбайтеров месте с оборудованием загрузили в бывший катафалк. Я, впрочем, от «высокой чести» отказался и предпочел ехать с работягами, поскольку ощущал глубокое, подсознательное отвращение к означенной

«элите» (за исключением одной лишь Тани Меньшиковой.) Особенно к Залумяну с Астаховым!..

Пропетляв по душным городским улицам, обе машины миновали Кольцевую дорогу и, очутившись на «...» шоссе, резко увеличили скорость. Наш неказистый автобус, следовавший позади «Шевроле», трясся, скрипел и дребезжал изношенными деталями. В салоне пахло выхлопными газами. Однако я не обращал внимания на бытовые неудобства и целиком погрузился в тягостные размышления. Думал я о своем военном преступлении, полное осознание которого пришло, повторяю, лишь сегодня ночью. Думал – до боли стиснув зубы, с трудом удерживая слезы. Пробудившаяся, наконец, совесть жестоко терзала душу.

А теперь, пожалуй, пришла пора рассказать вам о составе преступления и его мотивах (никак, разумеется, меня не оправдывающих!!!).

Служили в моей роте два приятеля-ровесника, двадцати двух лет от роду каждый: сержант-контрактник Игорь Васюков и младший лейтенант Валерий Лобов. Васюков остался на сверхсрочную, «отрубив» два года в дивизии Дзержинского, а Лобов попал к нам сразу по окончании училища. В начале августа 2001 года я отправил их на особое задание. Особое, поскольку с таких заданий вернуться живыми – шансов практически нет! Они и не вернулись. Мертвые, изуродованные мятежниками тела обоих обнаружил военный патруль три дня спустя. Вы спросите, почему отправил?! Да потому что терпеть не мог ни того, ни другого! Конечно, резкая антипатия к ним возникла отнюдь не на пустом месте. Причины имелись. И достаточно весомые! Но я не стану их перечислять. Ведь главное-то в другом! Я не имел права посылать людей на верную смерть, основываясь на личной неприязни! Более того, сколько-нибудь серьезной служебной необходимости в этом не было!!! Разведывательную информацию, которую я поручил собрать Лобову с Васюковым, вскоре с легкостью раздобыл и передал нам спецназ ГРУ, обошедшийся, кстати, совсем без потерь (Оно и немудрено! Как известно, каждое спецподразделение имеет свой, особый профиль. Так, основная специализация спецназа ГРУ – разведывательно-диверсионная деятельность. А спецназ Внутренних войск – в первую очередь штурмовые отряды. Их «конек» – открытые силовые акции, «зачистки», и т. д. и т. п. Но не разведка! Кадровые офицеры спецслужб (в том числе наш герой) это хорошо знают и понимают – никогда не стоит лезть в «чужой огород!»). Выходит, я, злоупотребив должностными полномочиями, попросту погубил неугодных подчиненных! Мер-за-вец!!!

– Э-э, ты що, хлопец, наезжаешь? Или сбесився? – вдруг послышался грубый мужской голос с ярко выраженным малороссийским акцентом. Подняв затуманенные глаза, я увидел угрожающе придвинувшегося ко мне гастартбайтера – здоровенного детину приблизительно лет сорока. Мрачный взгляд детины не сулил ничего хорошего. (Вероятно, слово «мерзавец» я произнес вслух, а он воспринял ругательство на свой счет.)

– Мабуть, в харю стусануть?! (Может быть, по морде дать? (Украинская мова)) – продолжал между тем усатый, стискивая увесистые кулачищи. Несколько его земляков одобрительно загалдели.

– Прости, дружище. Не хотел тебя оскорбить. И вообще, ни к кому конкретно не обращался. Так, задумался о своем! – попробовал оправдаться я, но не тут-то было! Усатый явно жаждал крови, а правильная русская речь, похоже, еще больше озлобила представителя «незалежной». (Вероятно, из западных, бандеровских областей.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.